

Воспоминанія жизни В. Г. Тернера¹⁾.

Изъ Риги мы отправились въ Динабургъ, гдѣ провели день, посвященный конференціи съ мѣстнымъ управляющимъ желѣзной дорогой Фриде, у котораго я и обѣдалъ. Изъ Динабурга мы отправились въ Полоцкъ, гдѣ я провелъ ночь въ вагонѣ. Утромъ я пошелъ осматривать городъ. Въ Полоцкѣ величественный соборъ, изящной архитектуры, въ которомъ находится хорошая картина Сальватора Розы, изображающая мученичество св. Стефана.

Замѣчательно, что вездѣ на Западѣ у насъ церкви отличаются красивой архитектурой, въ стилѣ Renaissance, остатки западнаго зодчества,—подъ вліяніемъ вѣроятно итальянскихъ архитекторовъ. Многія изъ этихъ церквей напоминаютъ, по стилю, нашу церковь въ Смольномъ монастырѣ, построенную Растрелли.

Изъ Полоцка черезъ Смоленскъ и Рославль мы отправились въ Орель. Въ Рославлѣ при желѣзной дорогѣ устроено хорошее техническое училище, которое я осматривалъ. На память моего посѣщенія училища, мнѣ въ послѣдствіи прислали небольшой инструментъ, клещи, сдѣланный для меня однимъ изъ учениковъ, на немъ были выгравированы слова „Ученикъ 1 спеціального класса Р. Т. І. Игнатьевъ, Рославль 1879“. При вторичномъ посѣщеніи моемъ Рославля, я взамѣнъ подарилъ Игнатьеву изящный рисовальный приборъ.

Въ Орлѣ мы пробыли нѣсколько дней, посвященныхъ разработкѣ собраннаго дорогою матеріала.

¹⁾ См. „Русская Старина“ августъ 1910 г.

Городъ лежитъ версты три отъ станціи, съ которой онъ соединяется довольно плохой дорогой, хотя и мощеною, что составляетъ большое неудобство, особенно потому, что въ сухую погоду приходилось ѣхать въ облакъ пыли. Въ настоящее время, со станціи въ городъ идетъ, кажется, удобный трамвай. Самый городъ раскинутъ на большомъ пространствѣ, улицы широкія, какъ площади, красивыхъ строеній не было видно. Вблизи города находится большой городской паркъ, который тогда былъ однако очень запущенъ. Въ Орлѣ оказалась хорошая гостиница, содержавшаяся французомъ, Мг. Totien, въ частномъ домѣ. Гостиница содержалась очень чисто, комнаты были просто, но комфортабельно устроены, а кухня превосходная. Можно было удивляться, что въ губернскомъ городѣ оказалась такая хорошая гостиница. Затѣмъ мы посѣтили городъ Ливны, напоминающій, по красивому мѣстоположенію, нѣсколько австрійскія горныя мѣстечки. Въ гостиницѣ мы очень пріятно пообедали на балконѣ съ красивыми видами. Для пріема мѣстнаго купечества, по дѣламъ желѣзной дороги, для насъ было приготовлено помѣщеніе въ думѣ, какъ меня о томъ увѣдомилъ губернаторъ. По прибытіи въ думу, насъ ввели въ присутствіе, гдѣ насъ встрѣтилъ городской голова съ цѣпью на шеѣ, на столѣ стояло зеркало. Вышла довольно курьезная сцена: городской голова, какъ таковой, занялъ въ присутствіи председательское мѣсто—не понимая, что председательство принадлежитъ въ засѣданіи такого рода председателю Высочайше учрежденной Комиссіи. Чтобы не возбуждать споровъ, я сѣлъ просто у стола, съ другими членами Комиссіи; но фактически, разумѣется, взялъ все руководство дебатами въ свои руки; такимъ образомъ оказывался оффиціально председатель присутствія, на долю котораго выпала молчаливая роль, и дѣйствительный председатель, не занимавшій председательскаго мѣста и руководившій преніями.

Изъ Ливны мы отправились въ Брянскъ, чтобы посѣтить оттуда близъ лежащіе Мальцевскіе и Брянскій заводы. Орловская губернія распадается какъ бы на двѣ части, одна половина ея совершенно безлѣсна, другая же богата чудными лѣсами. Въ этой второй половинѣ находились имѣнія Мальцова—Дѣтково, Людиново и Песочное. Посреди этихъ имѣній были раскинуты его многочисленные заводы: вагонный, рельсовый, стеклянный и др.; главнѣйшіе заводы были соединены между собою желѣзной дорогой.

Вотъ какъ типично описываетъ Скальковскій ¹⁾ тогдашній бытъ мальцовской крѣпостной республики:

¹⁾ „Нов. Время“, май 1905,—„По морю житейскому“.

„Тогда подь свѣжими остатками крѣпостного права, его владѣнія, занимавшія значительную часть Жиадринскаго и Брянскаго уѣздовъ, представляли курьезное зрѣлище какой-то крѣпостной республики, государства въ государствѣ. Мальцовъ небольшого роста, крѣпкій старикъ, живой, краснорѣчивый, всѣмъ интересовавшийся, но деспотъ и самодуръ, былъ нѣчто среднее между парагвайскимъ докторомъ Франсіей и гоголевскимъ полковникомъ Кашкаревымъ. Всѣ письма распечатывались, и было организовано шпіонство, а съ другой стороны миеологическіе нравы...

„Самъ Мальцевъ, какъ и его служащіе, почти всѣ изъ крѣпостныхъ, ходили въ сѣрыхъ казакинахъ и ѣздили на безрессорныхъ экипажахъ, сидя какъ на эшафотѣ, спиною къ кучеру. Все было свое, даже мѣры, „Мальцовская сажень“ дѣлилась не на аршины, а на четыре „палки“. Въ домѣ была самодѣльная мебель и простота во всемъ. Сыновья закладывали лошадей, дочери доили коровъ.

„Онъ былъ однако въ извѣстной степени прогрессистъ, много читалъ, часто ѣздилъ за границу и привозилъ оттуда техническія новости. Страстью его было устройство новыхъ заводовъ и фабрикъ; въ мое время ихъ насчитывалось 70, большею частью работавшихъ въ убытокъ, была даже выдѣлка вновь открытаго фотогена. Чтобы пополнить дефициты, Мальцовъ ничто не сумнявшася выпускалъ собственныя бумажки, такъ называемыя „мальцевскія деньги“, подь видомъ квитанцій на полученіе припасовъ изъ его конторы.

„Были квитанціи даже въ 5 рублей, всѣ на картонѣ, грубо сдѣланныя, было не мало и фальшивыхъ, но довѣріе къ генералу было такъ велико, тѣмъ болѣе, что онъ спихнулъ либеральнаго губернатора Арцымовича—что деньгами этими можно было расплачиваться на всѣхъ станціяхъ Калужской губерніи.

„Въ концѣ концовъ мальцевскихъ денегъ было выпущено на три милліона рублей, и правительство ликвидировало ихъ потомъ съ порядочной приплатой, а всего, за свое своеобразное хозяйство, Мальцовъ надѣлалъ чуть ли не 12 милліоновъ руб. долга. Заводы его однако послужили школою, приготовившею огромное мастеровое населеніе, и до сихъ поръ часть ихъ продолжаетъ работать, благодаря превосходному положенію на границѣ земледѣльческой полосы“.

Пріѣхавъ въ имѣніе, я представился Мальцеву, и онъ сталъ мнѣ лично показывать свое заводское устройство. Мальцевъ былъ несомнѣнно человекъ замѣчательный; нужна была большая энергія и техническое знаніе, чтобы создать и вести такое громадное фабричное дѣло. Но одного этого было не достаточно, нужно было

дѣловое знаніе, а его именно не оказывалось, все дѣло велось совершенно по-помѣщичьи, какъ на это и указываетъ Скальковскій, патріархально—и такое веденіе дѣла не могло не отозваться на немъ. Мальцевъ все болѣе и болѣе расширялъ свое производство, безъ всякаго расчета, и это между прочимъ должно было повести къ разстройству всего дѣла. При такомъ громадномъ предпріятіи—бухгалтерія находилась у него въ совершенно эмбриональномъ состояніи. Когда я пожелалъ ознакомиться съ его книгами, мнѣ показали застѣнокъ въ одномъ изъ фабричныхъ помѣщеній, въ которомъ на конторкѣ валялось нѣсколько тетрадей съ цифрами; расчеты съ рабочими происходили чуть ли не на биркѣ. Результатомъ такого веденія дѣла оказалось подъ конецъ совершенное его разстройство, что и повело къ передачѣ всего дѣла въ казенное управленіе.

Особенно красивымъ мѣстоположеніемъ отличалось имѣніе Людиново, лежащее на берегу живописнаго озера, по которому ходилъ пароходъ. Эта мѣстность, окруженная заводами, мнѣ нѣсколько напоминала Нефшатель.

Вернувшись отъ Мальцева въ Брянскъ, я посѣтилъ Брянскій сталелитейный заводъ кн. Тенишева.

На Брянскомъ заводѣ приготовлялась литая сталь по системѣ Бессемера,—производство, которое кн. Тенишевъ, кажется, первый ввелъ у насъ въ Россіи. Процессъ приготовленія литой стали представлялъ чрезвычайно живописное зрѣлище. Все внутреннее помѣщеніе завода находилось въ какомъ-то полумракѣ, среди котораго машинально двигались рабочіе, освѣщаемые отраженіемъ отъ каменной печи. Но вотъ сталь расплавилась, ее спускаютъ изъ горнила печи огненною струею въ большіе глиняные чаны, нѣсколько рабочихъ захватываютъ ихъ длинными рычагами, несутъ къ формѣ и вливаютъ въ нее жидкую сталь. Въ этотъ моментъ происходитъ что-то необычайное, все помѣщеніе завода освѣщается внезапно яркимъ краснымъ свѣтомъ и милліоны искръ разлетаются по всѣмъ направленіямъ. Это такой фейерверкъ, съ которымъ ничто не можетъ сравниться. Это былъ какой-то адъ, въ которомъ, среди краснаго пламени, двигались и орудовали какіе-то гномы...

Въ Брянскѣ мы заключили первую часть нашего путешествія и возвратились въ Петербургъ черезъ Смоленскъ, въ которомъ мы остановились на день. Городъ окруженъ еще старинными стѣнами съ башнями, около которыхъ расположенъ родъ бульвара, представлявшій крайне живописный видъ. Въ Смоленскѣ находится красивый соборъ, также въ стилѣ Renaissance.

По возвращеніи въ Петербургъ, я провелъ все лѣто у себя въ

деревнѣ въ Захонѣ. Занятія по разработкѣ собранныхъ въ пути матеріаловъ, прогулки по красивымъ мѣстностямъ, занятіе съ дѣтьми въ школѣ и по временамъ чтеніе крестьянамъ Евангелія, въ праздничные дни—все это представляло очень пріятное и мирное препровожденіе времени. Однажды въ праздникъ утромъ ко мнѣ пришла кучка крестьянъ, прося въ этотъ день Евангеліе не читать, такъ какъ они подгулявши — очевидно въ такомъ состояніи они считали себя недостойными слушать Слово Божіе. Нѣсколько времени спустя ко мнѣ пришли нѣкоторые другіе крестьяне и сообщили, что они положили зарокъ не пить вина, а потому просили почитать имъ, трезвымъ, Евангеліе.

Передъ отъѣздомъ изъ деревни, крестьяне пришли благодарить меня за то, что я въ теченіе лѣта училъ ихъ дѣтей, и сообщили мнѣ, что изъ благодарности они исправили часть дороги, которая проходила по моей землѣ и которую, по земской раскладкѣ, я былъ обязанъ исправить и кромѣ того намѣрены вычистить мой лѣсъ. Это совершенно свободное изъявленіе благодарности доставило мнѣ истинное удовольствіе. Кто знаетъ, какъ крестьяне обыкновенно жадны къ деньгамъ и всегда рады возможности что-либо заработать—тотъ пойметъ нравственное значеніе такого дарового труда, принятаго ими на себя, по собственной инициативѣ.

Въ срединѣ сентября, я опять съ моею подкомиссіей отправился въ путь тою же дорогою на Орель, а оттуда черезъ Елецъ, Ливны, Грязи, Борисоглѣбскъ и Александрово въ Царицынъ, для изслѣдованія Орловско-Грязской и Грязе-Царицынской жел. дорогъ.

Въ Ливнахъ цѣлебныя минеральныя воды, устроенныя, впрочемъ, очень примитивнымъ образомъ; тамъ сохранилось воспоминаніе о Петрѣ Великомъ, который самъ былъ въ Ливнахъ; въ память его посѣщенія, у источника, сколько помню, сооруженъ его бюстъ, или надпись.

Станція Грязи, пунктъ скрещенія нѣсколькихъ дорогъ, какъ уже показывало ея названіе, тонула въ мягкомъ черноземѣ.

На станціи Мордово, передъ Борисоглѣбскомъ, мы застали большіе склады хлѣба, вслѣдствіе залежи, которые мокли подъ дождемъ. Начальникъ желѣзной дороги Кульджинскій обѣщалъ сдѣлать необходимое распоряженіе о доставленіи прикрытія, и дѣйствительно, на обратномъ пути мы увидѣли эти склады значительно уменьшившіеся, покрытые брезентами.

Въ Царицынѣ мы прибыли утромъ. Погода была чудная, солнце ярко свѣтило, и передъ нами открылась картина города, совершенно не похожаго на другіе русскіе города, напоминавшаго скорѣе — по своей разбросанности, разнообразію мелкихъ построекъ, широкимъ

улицамъ и площадямъ и поразительному торговому движенію во всѣ стороны—молодые американскіе города. Передъ станціей стоялъ рядъ красивыхъ амбаровъ съ свѣтлыми зелеными крышами для рыбныхъ складовъ. Внизу на рѣкѣ пристань, соединенная вѣткой со станціей желѣзной дороги, по которой постоянно передвигались товарные поѣзда. На самой пристани амбары съ хлѣбомъ, а на рѣкѣ суда разной величины, отъ парохода до мелкихъ шаландъ. Вся эта мѣстность была наполнена рабочимъ людомъ, который таскалъ товары по разнымъ направленіямъ; вездѣ жизнь, вездѣ кипѣло движеніе, шумъ и говоръ—и весь этотъ народъ держалъ себя какъ-то свободно, непринужденно, даже халатно, полиціи было почти не видно — однимъ словомъ, по виду совершенно не русскій городъ.

Въ Царицынѣ мы сѣли на пароходъ для слѣдованія въ Астрахань, такъ какъ мы рѣшились проѣхать въ Баку, для осмотра нефтяныхъ мѣстностей. Въ этой южной части Волга имѣетъ совершенно особенный характеръ. Рѣка чрезвычайно широка и течетъ въ почти пустынныхъ, низменныхъ берегахъ, которые она мѣстами затопляетъ на большое пространство; отъ времени до времени посреди рѣки попадаются острова, покрытые зарослями, на которыхъ ютится масса самыхъ разнообразныхъ дикихъ водяныхъ птицъ, которыя не встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ Россіи — эта картина напоминала мнѣ поѣздку по Суэцкому каналу въ Египтъ.

Волжскіе пароходы очень хорошо устроены, помѣщенія удобныя и хорошая кухня. Разумѣется, главная пища стерлядь — эта столь рѣдкая рыба въ Россіи, здѣсь въ изобиліи — намъ подавали за обѣдомъ стерляжью уху, вареную стерлядь, жареную стерлядь...

Въ Астрахани мы пробыли нѣсколько дней. Рыбные и соляные промыслы и торговля съ Персіей — главное занятіе города. Почти всѣ рабочіе калмыки, народъ до крайности бѣдный и загнанный; едва прикрытые дырявыми рубахами, калмыки работаютъ на тоняхъ, на соляныхъ промыслахъ, таскаютъ товары;—по всему было видно, что они во всемъ находятся, какъ низшая раса, въ полномъ подчиненіи у русскихъ.

На другой день мѣстныя власти устроили намъ поѣздку на пароходъ „Ловецъ“, для осмотра достопримѣчательностей Астрахани; мы посѣтили соляные промысла, калмыцкій храмъ и рыбные промысла, носившіе названіе „Самодѣлки“.

Самое интересное было послѣднее. Тутъ приготавлилась для отправки внутрь Россіи разная рыба. Вдоль рѣки стояли длинныя столы, за которыми работала масса дѣвушекъ, всѣ въ бѣлыхъ панталонахъ (для опрятности), въ которыя были засунуты ихъ юбки

и рубашки; онѣ вслѣдствіе того представлялись какими-то курьезными фигурами-пузырями. У cadaго стола была навалена масса еще живой рыбы: бѣлорыбца, осетрина и др.,—всѣ очень большой величины. Эти рыбы клались на столъ одна за другой и тутъ же, еще живыя, вскрывались дѣвушками-работницами, потрошились, разрѣзывались на пласты, солились и складывались въ бочки. Сознаюсь, что такое разрѣзываніе крупной живой рыбы — производить довольно непріятное впечатлѣніе. Затѣмъ намъ показывали способъ укладки въ вагоны мелкой рыбы, астраханской сельди, воблы и др. Рыба, тоже живая еще, клалась въ вагонъ рядами, и каждый рядъ покрывался мелко разрубленнымъ льдомъ. Какъ мнѣ говорили, при такой упаковкѣ, рыба доходитъ полу-сонная, полу-живая до мѣста назначенія. Какимъ мученіямъ человѣкъ подвергаетъ животныхъ для бѣльшаго удобства своего питанія!

Послѣ осмотра Самодѣлки, мы поѣхали на рыбную ловлю и тамъ на мое имя забросили тую. Сѣти тащили въ водѣ тоже калмыки. По доставленіи сѣти на берегъ, въ ней оказалась чудная большая стерлядь. Ее тутъ же вскрыли, выпотрошили изъ живой рыбы икру и, посыпавъ солью, предложили ее мнѣ. Столь свѣжей икры мнѣ еще никогда не приходилось кушать, но вся эта операція произвела на меня столь непріятное впечатлѣніе, что я отказался ѣсть эту икру, въ виду еще живой и бившейся около нея рыбы, изъ которой ее добыли.

Осмотрѣвъ затѣмъ городъ, мы вошли въ соборъ, довольно значительной величины, съ трехъяруснымъ, сколько помню, стариннымъ иконостасомъ. Въ церкви съ потолка висѣли два старинныя громадныя темно-бронзовыя или чугуныя, не помню, паникадила-люстры и двѣ золоченыя бронзовыя люстры самаго обыкновеннаго фасона, представлявшія очень niezящный контрастъ. Мнѣ объяснили, что старинныхъ люстръ было четыре, но что двѣ изъ нихъ продали въ ломъ, и за эти деньги приобрѣли новыя золоченыя люстры. Съ остальными двумя еще не успѣли такъ поступить. Я былъ пораженъ такимъ варварскимъ обращеніемъ съ предметомъ древности, имѣвшимъ несомнѣнно историческое значеніе. Эти люстры должны бы найти мѣсто, если ихъ уже не сохранять въ соборѣ, въ какомъ-нибудь музеѣ.

Изъ Астрахани мы рѣшились отправиться въ Баку для осмотра нефтяныхъ промысловъ. Хотя это не входило прямо въ задачу нашей комиссіи, но осмотръ этой замѣчательной мѣстности, отъ которой насъ отдѣляло только Каспійское море, представлялъ такой интересъ, что мы не могли отказаться отъ желанія посѣтить Бакинскіе промыслы, тѣмъ болѣе, что и въ Баку была уже желѣзная до-

рога, осмотръ которой могъ служить предлогомъ для такой поѣздки.

По мелководью устьевъ Волги въ Астраханскомъ портѣ, морскія суда не могутъ доходить до города. Приходится отправляться изъ Астрахани на рѣчномъ пароходѣ до устья Волги къ мѣсту, называемому „девять футовъ“, и тамъ пересѣсть на морской пароходъ.

Мы выѣхали изъ Астрахани ночью; проснувшись утромъ, мы къ удивленію увидѣли, что мы еще въ Волгѣ. Оказалось, что ночью былъ такой туманъ, что нашему пароходу пришлось всю ночь простоять на якорѣ. Только къ вечеру слѣдующаго дня мы причалили къ „деяти футамъ“ и застали тамъ ожидавшій насъ пароходъ „Каспій“ Каспійскаго товарищества.

Пароходъ оказался небольшой и переполненный особенно палубными пассажирами 3-го класса, такъ что первое впечатлѣніе было не очень привѣтливо. Однако, благодаря любезности капитана, мы скоро удобно устроились. Погода была ясная, но вслѣдствіе предшествовавшей бури, въ морѣ ходила сильная, мертвая зыбь. Это самая неприятная качка. Пароходъ такъ сильно, хотя и медленно качало (кренило) то въ ту, то въ другую сторону, то вдоль, то поперекъ, что концы рей на главной мачтѣ почти прикасались къ горизонту воды. Я не страдалъ отъ морской болѣзни, но все время ощущалъ очень неприятное чувство.

Къ вечеру мы пришли къ Петровскому порту на Кавказѣ. Миниатюрный бассейнъ порта образуется двумя искусственными молами (брекватерами), концы которыхъ представляютъ какъ-бы створныя ворота для входа въ портъ. Издали было видно что, въ портѣ вода совершенно спокойна, но какъ-то не хотѣлось вѣрить, что моментъ,—и качка, отъ которой мы страдали весь день, внезапно прекратится, и вотъ, пройдя ворота, это чудо мгновенно осуществилось; внезапное прекращеніе качки вызвало удивительно пріятное чувство.

Пароходъ долженъ былъ отправиться далѣе въ 5 часовъ утра. Мы съѣхали на берегъ, чтобы погулять по этому маленькому городу, и зашли между прочимъ въ офицерскій клубъ, который произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе. Такъ какъ все общество Петровска состоитъ изъ небольшого числа офицеровъ и чиновниковъ, то клубъ служитъ *point de réunion* всему мѣстному обществу. Помѣщеніе клуба скромное, но чистое и опрятное—и все въ клубѣ носило характеръ порядочности, который не всегда можно застать въ такихъ мелкихъ городахъ.

Мы еще спали, когда пароходъ двинулся въ путь. Погода совершенно прояснилась, качка сдѣлалась гораздо слабѣе, такъ что все слѣдованіе отъ Петровска до Баку оказалось очень пріятнымъ. Мы

прошли мимо Дербента не останавливаясь, такъ какъ у входа въ портъ кипѣли еще довольно сильныя буруны,—сильный прибой не позволялъ пристать къ берегу. Въ Дербентѣ нѣтъ устроеннаго порта, и потому нерѣдко случается, что въ свѣжую погоду невозможно съѣхать на берегъ, и пассажирамъ, ѣдущимъ въ Дербентъ, приходится проѣзжать мимо и иногда даже не разъ. Это несомнѣнно большое неудобство, особенно для рабочихъ и неимущаго люда. Въ такихъ случаяхъ капитанъ парохода кормитъ ихъ обыкновенно бесплатно, до момента съѣзда на берегъ въ Дербентѣ. Въ числѣ нашихъ третье-классныхъ пассажировъ были также ѣхавшіе въ Дербентъ, и они чуть не плакали, когда мы прошли не останавливаясь мимо Дербента,—имъ пришлось поневолѣ ѣхать въ Баку и ждать обратнаго рейса.

Въ Баку мы прибыли около 4-хъ часовъ дня. Видъ на портъ и городъ очень живописенъ. Чудное южное солнце, лазуревое море—представляли картину отчасти южнаго востока, отчасти Италіи. Одно, что поражаетъ въ Баку, это совершенное отсутствіе всякой растительности. На берегу красивое впечатлѣніе мѣстности значительно уменьшилось. Въ Баку преобладаетъ несомнѣнно характеръ востока, но и восточной грязи и беспорядка, а къ тому вѣтеръ поднимаетъ облака бѣлой известковой пыли, которая обдаетъ васъ со всѣхъ сторонъ.

Мы помѣстились въ довольно хорошей гостиницѣ Hôtel de l'Еугоре и немедленно приступили къ осмотру мѣстныхъ промышленныхъ заведеній. Прежде всего мы отправились въ такъ называемый Черный Городокъ; это часть города, наполненная мелкими заведеніями, выдѣлывающими довольно первобытнымъ способомъ изъ мѣстной нефти керосинъ. Вся почва, стѣны и крыши строеній, однимъ словомъ, все было покрыто черною копотью, такъ что общій видъ этой части города вполне оправдывалъ названіе Чернаго города. Почва пропитана до нѣкоторой глубины нефтью, и эта смѣсь земли съ нефтью и образуетъ то, что называютъ мазутъ.

Затѣмъ мы отправились въ мѣстность нефтяныхъ фонтановъ за городомъ—т. е. въ Балаханы, Сабунчи и Сураханы. Надъ всѣми мѣсторожденіями нефти, которая первоначально была фонтанами, устроены вышки, родъ деревянныхъ довольно высокихъ прозрачныхъ башенъ изъ бревенъ, въ которыхъ помѣщается приводъ для выкачивания нефти. Когда открывается новое мѣсторожденіе, то нефть начинаетъ бить фонтаномъ, струя нефти выбрасывается довольно высоко вверхъ, и на первое время количество выбрасываемой нефти бываетъ такъ значительно, что ее не удастся каптировать, и она образуетъ даже около фонтана цѣлое озеро нефти; такимъ образомъ

теряется не мало матеріала. Затѣмъ когда сила фонтана начинаетъ ослабѣвать, приступаютъ къ каптаціи струи, въ отверстіе вставляется чугунная труба, къ которой придѣлана стальная крышка, и тогда оказывается возможнымъ регулировать истокъ нефти, допуская къ выходу только такое количество, которое немедленно можетъ пойти на переработку. Новые фонтаны иногда сами пробиваются изъ земли, но большею частью производятъ буреніе, пока не дойдутъ до мѣста залежи нефти, которая тогда и выбрасывается съ особенною силой.

При нашемъ посѣщеніи билъ только одинъ фонтанъ; всѣ остальные были каптированы, черно-бурая струя нефти, большой толщины поднималась однако уже не высоко, всего аршина на два, разбрасывая кругомъ брызги на довольно большомъ разстояніи.

По пути мы осмотрѣли заводъ Кокорева, на которомъ выдѣлывалась сѣрная кислота. Вездѣ господствовало удивительное оживленіе и дѣятельность, видно было, что это мѣстность, въ которой рождаются милліоны. Владелецъ небольшого клочка земли, стоимостью въ какія-нибудь тысячи рублей, когда вдругъ на ней открывается фонтанъ, становится со дня на день милліонеромъ.

На краю города находится прежній Ханскій дворецъ, довольно хорошо сохранный. Это большое бѣлое зданіе, съ замѣчательными по стѣнамъ украшеніями—арабесками *en bas relief*. Отдѣльные камни, довольно значительной величины, украшенные также изящными арабесками, высѣченными по ихъ поверхности, входившіе вѣроятно тоже въ ту или другую часть дворца, валялись въ пыли, на площади передъ дворцомъ; я удивлялся, какъ мало вниманія обращалось на эти изящные остатки древней восточной архитектуры. Одинъ изъ членовъ нашей подкомиссіи, Сергѣй Серг. Юшковъ, замѣтивъ мой интересъ къ этимъ камнямъ, любезно снялъ рисунокъ съ одного изъ нихъ, и по прибытіи въ Петербургъ вырѣзалъ эти арабески на черномъ палисандровомъ деревѣ и поднесъ мнѣ свое изящное издѣліе въ воспоминаніе нашего пребыванія въ Баку, съ обозначеніемъ на немъ дня и года. Бѣднаго Серг. Серг. давно уже нѣтъ въ живыхъ, но его изящное издѣліе до сихъ поръ красуется на моемъ письменномъ столѣ.

Въ Баку въ то время еще оставалось нѣсколько огнепоклонниковъ, гебовъ (кажется не болѣе двухъ), у которыхъ даже сохранился небольшой храмъ за городомъ, который мы, разумѣется, посѣтили. Это было небольшое, невысокое открытое каменное строеніе, выбѣленное известкой, внутри его на дворѣ изъ почвы выходилъ постоянный огонь—т. е. горящіе нефтяные пары. Вышеуказанные два огнепоклонника, состоявшіе при храмѣ, священнодѣйствовали

передъ нами, творя разныя молитвы, и подъ конецъ стали разносить всѣмъ присутствующимъ на подносіи измельченные куски красной карамели, представлявшіе, какъ намъ объяснили, родъ жертвоприношенія.

Нефтяныя пары, выходящіе изъ поверхности земли, проявляются впрочемъ въ разныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Баку, и ими пользуются иногда для освѣщенія. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ главныхъ керосиновыхъ заводовъ при входѣ у воротъ тоже постоянно горѣли двѣ струи нефтяного газа, въ видѣ громаднхъ свѣточей. Не только изъ почвы, но и черезъ море проникаютъ нефтяныя газы и самая нефть, которая, плавая на поверхности воды, покрываетъ довольно большія пространства моря. Эту нефть иногда зажигаютъ, а иногда она и сама случайно воспламеняется, представляя чудное зрѣлище горящаго моря. Къ сожалѣнію, намъ не удалось видѣть этого замѣчательнаго явленія, такъ какъ при насъ не происходило выдѣленія нефти на поверхность моря.

Интересная поѣздка была также предпринята нами на нефтяныя промысла Тагіева, лежавшіе на нѣкоторомъ разстояніи къ востоку отъ Баку. Дорога все время шла по берегу моря, вдоль красивой *plage*, эта мѣстность, при яркомъ солнечномъ освѣщеніи и лазуревомъ цвѣтѣ моря, вполнѣ напоминаетъ берегъ Средиземнаго моря въ Италіи. На пути, на самомъ берегу моря, находится башня *Vibi-Eibat*, про которую сохранилась легенда, что въ ней когда-то была заключена какая-то восточная принцесса, которая изъ нея бросилась въ море. Тагіевъ одинъ изъ видныхъ представителей мѣстныхъ капиталистовъ. Это персіанинъ, который владѣлъ небольшимъ участкомъ земли на берегу моря. Въ одинъ прекрасный день на его участкѣ открылся большой нефтяной фонтанъ, и никому неизвѣстный Тагіевъ сдѣлался милліонеромъ;—это совершенное повтореніе исторіи съ американскими нефтяными крезами.

Во время нашего пребыванія въ Баку, тамъ происходило засѣданіе мѣстнаго Техническаго Общества, которое мы и посѣтили. Въ засѣданіи велись оживленныя и основательныя пренія о мѣстныхъ интересахъ; разумѣется, весь интересъ сосредоточивался на нефтяномъ дѣлѣ. Секретаремъ общества былъ молодой армянинъ Гулишамбаровъ, человѣкъ очень развитой и хорошо знакомый съ положеніемъ мѣстной промышленности, я съ нимъ много бесѣдовалъ, и онъ сообщилъ мнѣ много интересныхъ данныхъ. Съ тѣхъ поръ Гулишамбаровъ составилъ себѣ имя въ экономической литературѣ.

Свободное отъ занятій время было посвящено прогулкамъ по городу и ознакомленію съ мѣстными достопримѣчательностями, между прочимъ посѣщеніе рынка, который совершенно напоминалъ,

хотя и въ маломъ видѣ, Константинопольскій Караванъ-Сарай. Всѣ восточные рынки имѣютъ одинъ и тотъ же типъ, скученныхъ вмѣстѣ мелкихъ лавченокъ, нерѣдко богатыхъ очень драгоцѣнными издѣліями. Бакинскій рынокъ изобиловалъ восточными коврами, которыхъ я нѣсколько пріобрѣлъ. Замѣчательную особенность Баку составляютъ винные погреба. Мѣстное вино очень хорошаго качества, оно легкое, но очень вкусное, особенно бѣлое, оно доставляется впрочемъ изъ болѣе отдаленныхъ окрестностей Баку, напр. изъ Ленкорана. При входѣ въ Бакинскій погребъ посѣтителю представляется вмѣсто бочекъ и бутылокъ складъ бурдюковъ, родъ мѣшковъ изъ козьей кожи, наполненныхъ разными винами; къ одному изъ угловъ бурдюка, гдѣ была нога животнаго, придрѣланъ деревянный кранъ—и изъ этого крана вино наливается прямо въ стаканы для посѣтителей. Вино, какъ я уже замѣтилъ, очень хорошее, но оно получаетъ отъ бурдюка нѣкоторый запахъ кожи.

Въ октябрѣ мы оставили Баку на пароходѣ „Цесаревичъ“ и отправились въ обратный путь. Нашъ любезный капитанъ съ „Каспія“, съ которымъ мы подружились во время переѣзда въ Баку, пришелъ проститься съ нами и пожелать намъ хорошаго пути.

Въ то время только что окончилась наша первая неудачная Туркменская война, на которой мы потерпѣли столь чувствительное пораженіе при Ахаль-Теке. На пароходѣ съ нами ѣхало нѣсколько офицеровъ и юнкеровъ кавказскаго драгунскаго полка, возвращавшіеся изъ арміи. У насъ, разумѣется, съ ними завязался живой разговоръ, и они много рассказывали подробностей о неудачномъ боѣ и о страданіяхъ арміи въ безводной степи. Изъ всѣхъ этихъ рассказовъ можно было заключить, что вся кампанія была затѣяна крайне легкомысленно и ведена безъ знанія дѣла.

На томъ же пароходѣ возвращался изъ Кавказа въ Россію военный врачъ Малининъ, съ которымъ я много бесѣдовалъ. Между прочимъ, такъ какъ я курилъ сигару, мы разговорились о куреніи вообще, и онъ сталъ мнѣ доказывать вредъ табака для организма. Я ему возражалъ, что я привыкъ курить и не думаю, чтобы мнѣ куреніе приносило вредъ; на это онъ мнѣ возразилъ, что „вы только себя успокаиваете, потому что вы не имѣете достаточной силы характера, чтобы перестать курить“. Тогда раззадоренный этимъ замѣчаніемъ я сказалъ ему, что въ доказательство противнаго, я съ этого же момента перестану курить и не буду курить 6 недѣль, но потомъ опять вернусь къ куренію, затѣмъ я тутъ же бросилъ свою сигару. Этотъ искусъ я дѣйствительно выдержалъ, но сознаюсь, что въ первое время, особенно на морѣ, когда какъ-то особенно хочется курить, довольно трудно было выдержать абстиненцію.

По прибытіи въ Царицынъ, мы отправились по Волго-Донской желѣзной дороги въ Калачъ. На эту небольшую линію, соединяющую Волгу съ Дономъ, одно время сильно рассчитывали, полагая, что по ней разовьется значительное движеніе товара. Но эти ожиданія не оправдались, вѣроятно вслѣдствіе необходимости двойной перегрузки товара, на Волгѣ и на Дону; торговля пошла по другимъ прямымъ линіямъ, и эта вѣтка потеряла всякое значеніе. Она потому и имѣла какой-то совершенно заброшенный видъ; снѣжная мятель и сильный вѣтеръ, сопровождавшіе насъ въ пути, не содѣйствовали пріятному впечатлѣнію, особенно послѣ чуднаго южнаго солнца въ Баку, которымъ мы наслаждались еще нѣсколько дней тому назадъ.

На обратномъ пути мы осматривали въ Борисоглѣбскѣ большія машинныя и мастерскія заведенія, устроенныя при желѣзной дорогѣ.

Въ Грязяхъ мы расстались съ сопровождавшимъ насъ управляющимъ Грязе-Царицынской жел. дорогой Кульджинскимъ, и сознаюсь, расстались съ нимъ безъ сожалѣнія. Исслѣдованіе нашей подкомиссіи, въ которой онъ усматривалъ нѣкоторымъ образомъ надзоръ надъ его дѣятельностью, явно было ему непріятно, и онъ давалъ это чувствовать при всякомъ случаѣ; его самолюбіе техника-инженера возставало противъ оцѣнки постороннихъ лицъ.

Въ Орлѣ мы расстались съ управляющимъ Орлово-Грязской жел. дорогой Хлуденевымъ, который, напротивъ того, оказался чрезвычайно любезнымъ и пріятнымъ спутникомъ, безъ всякаго неудовольствія обсуждавшимъ съ нами всѣ вопросы, которые встрѣчались на пути. Наконецъ въ Витебскѣ мы распрощались съ управляющими Динабургъ-Витебской и Ригго-Динабургской жел. дорогъ, Бекеромъ и Карлейлемъ (послѣдній совершенно обрусѣвшій англичанинъ).

Закончивъ наше странствованіе, по прибытіи въ Петербургъ, я нашелъ много писемъ и между прочимъ одно, которое меня и удивило и обрадовало. Это мнѣ писалъ неизвѣстный мнѣ священникъ Яндошевскій, недавно овдовѣвшій, сообщая о томъ утѣшеніи, которое онъ нашелъ въ горѣ, причиненномъ ему недавною тяжкою потерей, при чтеніи моихъ лекцій о философіи и христіанствѣ. Это письмо доставило мнѣ истинное удовольствіе. Сознаніе, что такимъ образомъ мнѣ оказалось возможнымъ доставить миръ и утѣшеніе постороннему мнѣ, даже совершенно неизвѣстному лицу, порождало отрадное чувство, въ смыслѣ удостовѣренія того, что живешь и дѣйствуешь не безъ пользы—между тѣмъ какъ часто приходилось испытывать моменты разочарованія, когда въ самомъ себѣ не находишь ни довольствія, ни мира. Во время послѣдней поѣздки я имѣлъ случай познакомиться съ настоятелемъ Донского монастыря

игуменомъ Николаемъ ¹⁾); въ разговорѣ съ нимъ я коснулся вопроса о моментахъ подобнаго разочарованія въ своей дѣятельности,—по этому поводу онъ сказалъ мнѣ „о томъ, на сколько вашъ трудъ дѣйствительно дѣйствующъ, предоставьте судить Господу, которому вы посвятили себя. Продолжайте дѣлать въ простотѣ сердца...“

Затѣмъ я нашелъ еще два письма какой-то молодой дѣвушки безъ подписи, которая жаловалась на разныхъ лицъ и на разные обстоятельства—изъ которыхъ я рѣшительно ничего не могъ понять, но долженъ былъ полагать, что и эти письма были вызваны вѣроятно чтеніемъ моей книги. А. А. Кирѣевъ, которому я впоследствии показывалъ эти письма, объяснилъ мнѣ, что эта дѣвушка Долгова-Сабурова, нѣсколько помѣшанная, вслѣдствіе постигшихъ ее несчастій.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія, я получилъ приглашеніе отъ Грейга у него позавтракать и передъ завтракомъ доложилъ ему о результатахъ поѣздки моей подкомиссіи. Изъ того, какъ онъ принялъ мой докладъ, я могъ замѣтить, что онъ относился ко всей нашей анкетѣ очень неблагоклонно, усматривая вѣроятно въ этомъ вмѣшательство графа Баранова въ дѣла министра финансовъ. Замѣтивъ это, я старался его переубѣдить, объясняя ему всю пользу собиранія этимъ путемъ свѣдѣній о состояніи желѣзныхъ дорогъ и указывая на совершенное отсутствіе въ этомъ предпріятіи какого-либо посягательства на сферу дѣйствія м-ва финансовъ. При хорошихъ моихъ отношеніяхъ съ Самуиломъ Алексѣвичемъ, мнѣ удалось его въ этомъ убѣдить. Я передалъ нашъ разговоръ графу Баранову, затѣмъ послѣдовало совѣщаніе между графомъ и Грейгомъ, которые до тѣхъ поръ были нѣсколько *en froid*, при чемъ между ними возстановилась полная гармонія. Какъ мнѣ говорилъ впоследствии М. Н. Анненковъ, графъ Барановъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что, благодаря моему случайному вмѣшательству, возстановились между ними и Грейгомъ хорошія отношенія.

Выше я уже упоминалъ, что среди лицъ религіознаго и философскаго круга, послѣ моихъ чтеній, возникла идея образовать философское общество, въ которомъ читались бы рефераты и возбуждались бы сужденія по религіозно-философскимъ вопросамъ. Съ этою цѣлю, послѣ моего возвращенія состоялось у меня собраніе, въ которомъ приняли участіе А. А. Кирѣевъ, князь Цертелевъ, Бе-

¹⁾ Отецъ Николай былъ впоследствии переведенъ настоятелемъ въ одинъ изъ Западныхъ монастырей, кажется Почаевскій, и мы долгое время продолжали съ нимъ видѣться, такъ какъ при каждомъ пріездѣ въ Петербургъ онъ посѣщалъ меня.

стужевъ, Свѣтилинъ и Осининъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ за-сѣданій у меня участвовалъ и Соловьевъ. Затѣмъ такое же собраніе происходило и у М. Н. Островскаго.

Мы составили проектъ устава общества, къ которому присоеди-нился и Т. И. Филипповъ. Проектъ устава былъ представленъ на утвержденіе въ министерство вн. д., но тамъ онъ какъ-то застрялъ—я далѣе объ этомъ не справлялся и потому не могу сказать, по ка-кой причинѣ онъ не былъ утвержденъ.

Въ послѣдній день этого года, 31-го декабря, поздно вечеромъ я былъ пріятно удивленъ неожиданною присылкою мнѣ ордена Вла-диміра 2-ой ст., чего я совершенно не ожидалъ.

5-го февраля 1880-го года я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ на диванѣ и читалъ; вдругъ послышался сильный взрывъ и произошло такое сотря-сеніе, что я былъ даже подброшенъ на диванѣ. Въ первую минуту я по-думалъ, что у насъ на лѣстницѣ произошелъ взрывъ газа. Я выбѣ-жалъ на лѣстницу, но тамъ ничего не оказалось, и когда я былъ еще въ недоумѣніи, что бы это значило, ко мнѣ вошелъ мой лакей и возбужденнымъ голосомъ сообщилъ, что произошелъ взрывъ въ Зимнемъ Дворцѣ, что изъ дворца несутъ множество убитыхъ и ра-ненихъ, и что что-то очень плохо,—очевидно въ первыя минуты было опасеніе, не пострадалъ ли кто изъ Царской Фамиліи. Какая была сила взрыва, можно усмотрѣть изъ того, что у себя въ ком-натѣ, въ домѣ, который былъ отдѣленъ отъ дворца Мойкой и пло-щадью, я могъ до такой степени почувствовать сотрясеніе.

Царская Фамилія спаслась, можно сказать, только благодаря счаст-ливой случайности.

Какъ потомъ оказалось, одному изъ анархистовъ удалось подъ видомъ столяра получить доступъ въ подвалъ Зимняго Дворца, гдѣ жили рабочіе. Онъ расположилъ адскую машину подъ столовой за-лой дворца, гдѣ въ то время долженъ былъ обѣдать Государь, окру-женный членами своего семейства. По приведеніи въ движеніе ча-сового механизма адской машины, который черезъ нѣсколько вре-мени долженъ былъ произвести ея взрывъ, злоумышленникъ уда-лился изъ дворца. Къ счастью, взрывъ произошелъ за нѣсколько ми-нуть до того времени, когда Царская Фамилія должна была собраться въ столовой, такъ что хотя полъ столовой былъ взорванъ, и кажет-ся, люстры упали съ потолка, никто изъ Царской Фамиліи не по-страдалъ, но въ числѣ солдатъ, составлявшихъ караулъ дворца, ока-залось довольно много раненихъ и, кажется, даже нѣсколько уби-тыхъ. Рассказывали, что нѣкоторое время тому назадъ изъ Берли-

на было сообщено полиціи, что въ рукахъ анархистовъ имѣется планъ Зимняго Дворца, на которомъ одно мѣсто помѣчено краснымъ крестомъ—это было именно то мѣсто, гдѣ была заложена адская машина; удивительно, что такое сообщеніе не привело у насъ къ раскрытію подготовлявшагося злодѣйскаго замысла.

Это дерзкое покушеніе произвело ужасающее впечатлѣніе и побудило правительство принять самыя рѣшительныя мѣры противъ анархій. Въ этихъ видахъ была образована Верховная Распорядительная Комиссія; главнымъ начальникомъ ея былъ назначенъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ. Затѣмъ въ августѣ Верховная Комиссія была упразднена, и гр. Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. До того времени гр. Л.-Меликовъ, стяжавшій громкое имя во время турецкой войны, въ гражданскомъ управленіи не принималъ участія. Нѣкоторое время передъ тѣмъ на него было возложено порученіе, во время появленія чумы въ Ветлянкѣ, принять мѣры къ предупрежденію ея распространенія за предѣлы зачумленной мѣстности, о чемъ уже было упомянуто выше. Его распоряженія по этому случаю вызвали общее одобреніе, такъ что когда стало извѣстно объ учрежденіи Верховной Комиссіи и шла рѣчь о выборѣ предсѣдателя, общественное мнѣніе стало указывать на графа Лорисъ-Меликова, и когда онъ дѣйствительно былъ поставленъ во главѣ Комиссіи, это назначеніе было встрѣчено повсюду съ полнѣйшимъ одобреніемъ.

Къ сожалѣнію, и ему не удалось предупредить окончательную катастрофу, совершившуюся ровно годъ спустя.

Дня три послѣ его назначенія, на него было произведено покушеніе. Въ моментъ, когда онъ выходилъ изъ квартиры министра внутреннихъ дѣлъ, на подъѣздѣ какой-то еврей, фамиліи котораго не помню, выстрѣлилъ въ него, но промахнулся. Графъ Лорисъ-Меликовъ самъ схватилъ преступника, сказавъ хладнокровно: „для меня пуля еще не отлита“. Преступникъ былъ преданъ военному суду, въ 24 часа сужденъ, осужденъ и казненъ.

Политика, которую сталъ проводить графъ Л.-Меликовъ, заключалась въ энергическомъ преслѣдованіи анархистовъ, при одновременномъ введеніи либеральнаго направленія въ административную жизнь страны. Прессѣ была предоставлена значительная свобода при обсужденіи внутреннихъ вопросовъ. Лорисъ-Меликовъ взялъ себѣ въ товарищи М. С. Каханова, пользовавшагося извѣстностью, какъ государственный человѣкъ съ либеральнымъ направленіемъ, и подъ его предсѣдательствомъ учредилъ комиссію для пересмотра крестьянскихъ и мѣстныхъ губернскихъ учреждений. Предварительно онъ командировалъ четырехъ изъ наиболѣе выдававшихся моло-

дыхъ сенаторовъ: И. И. Шамшина, С. А. Мордвинова, А. А. Половцова и М. Е. Ковалевскаго для производства ревизіи мѣстныхъ дѣлъ въ разныхъ губерніяхъ. Эта сенаторская ревизія производила тогда большое впечатлѣніе въ Россіи, о ней всѣ говорили. Матеріалы, собранные ревизіею, послужили основаніемъ для работъ Кахановской комиссіи. Эта послѣдняя комиссія засѣдала все время до назначенія м. в. д. графа Толстого,—она работала по очень обширной программѣ, приглашая въ свои засѣданія ученыхъ и специалистовъ, пользовавшихся извѣстностію въ публикѣ. Кахановской комиссіи не суждено было привести свои полезные труды къ окончанію; ее можно было упрекнуть только въ томъ, что она слишкомъ широко раскинула свои занятія, принявъ отчасти болѣе теоретическое, чѣмъ практическое направленіе, подъ вліяніемъ рѣчей профессоровъ, принимавшихъ въ ней участіе. Доказательствомъ того, что Кахановская комиссія выработала, несмотря на то, не мало цѣннаго, можетъ служить то, что много лѣтъ спустя, при разныхъ реформахъ постоянно производились ссылки на труды Кахановской комиссіи.

Когда министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ графъ Толстой, находившійся по своимъ воззрѣніямъ въ крайней противоположности съ предшествовавшимъ направленіемъ, онъ первымъ дѣломъ закрылъ Кахановскую комиссію, передавъ всѣ ея матеріалы и труды въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ картонахъ котораго это полезное дѣло окончательно заглохло.

Подъ скромнымъ названіемъ министра вн. д., графъ Лорисъ-Меликовъ былъ въ сущности первымъ министромъ. Онъ особенно сошелся съ А. А. Абазой и Д. А. Милутинымъ, такъ что можно сказать, въ рукахъ этихъ трехъ лицъ находилось все управленіе страны.

Главные мѣропріятія гр. Лорисъ-Меликова были направлены къ тому, какъ уже выше замѣчено, чтобы вызвать либеральнымъ направленіемъ правительства сочувствіе въ кругахъ интеллигентнаго общества и этимъ путемъ создать оплотъ противъ дѣятельности анархистовъ. „Новое Время“ назвало его систему диктатурой сердца. Съ этой точки зрѣнія онъ считалъ нужнымъ, чтобы во главѣ отдѣльныхъ министерствъ находились люди, пользующіеся особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ общества. По его мнѣнію, С. А. Грейгъ, находившійся во главѣ одного изъ самыхъ важныхъ министерствъ, финансоваго, не вполне соответствовалъ этому требованію; онъ предложилъ Государю назначить министромъ финансовъ А. А. Абазу, придавъ ему въ товарищи извѣстнаго ученаго, пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ обществѣ, Н. Х. Бунге, соединивъ такимъ образомъ въ этой комбинаціи государственный умъ извѣстнаго го-

сударственнаго дѣятеля, съ учеными свѣдѣніями извѣстнаго профессора. Въ видѣ переходной мѣры, и чтобы приготовить Николая Христіановича къ новой сферѣ дѣятельности, было рѣшено пріостановиться временно назначеніемъ Александра Аггѣевича въ министры, ограничившись пока назначеніемъ Н. Х. Бунге товарищемъ къ С. А. Грейгу. И вотъ почему, когда послѣ смерти Гирса, Грейгъ поѣхалъ къ Государю съ докладомъ о назначеніи товарищемъ м. ф. директора кредитной канцеляріи Ал. В. Цимсена, Государь не согласился на его назначеніе и объявилъ ему, что онъ на это мѣсто имѣеть въ виду Н. Х. Бунге. Грейгъ, разумѣется, былъ крайне удивленъ этимъ эпизодомъ, такъ какъ ничего не подозрѣвалъ о подводимой подъ него самого интригѣ. При такихъ обстоятельствахъ отношенія между министромъ финансовъ и его товарищемъ не могли быть особенно близки. Состоя товарищемъ м-ра ф., Н. Х. Бунге печаталъ въ Сборникѣ Госуд. Знаній Безобразова, статьи о мѣрахъ къ улучшенію нашего финансоваго положенія.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя совершилась подготовлявшаяся перемѣна, о которой гр. Лорисъ-Меликовъ самъ сообщилъ Самуилу Алексѣевичу, заѣхавъ къ нему. Грейгъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а А. А. Абаза—министромъ финансовъ.

Въ теченіе всего этого времени продолжались работы Барановской комиссіи по разработкѣ матеріаловъ, добытыхъ подготовительными комиссіями. Не доведенныя до конца, эти работы были прерваны внезапно тяжкою болѣзнію и отъѣздомъ за границу графа Баранова, о причинахъ которой я уже выше упоминалъ. Но еще до этой катастрофы, по поводу работъ, происходившихъ въ комиссіи, для обсужденія одного изъ предполагавшихся мѣропріятій было назначено частное совѣщаніе на квартирѣ А. А. Абазы. Предполагавшееся мѣропріятіе не могло быть пріятно Посъету, такъ какъ этимъ нѣсколько ограничивалось его вліяніе на жел.-дорожное дѣло, и вотъ почему въ это засѣданіе кромѣ А. А. Абазы, гр. Лорисъ-Меликова, графа Баранова и самого Посѣта никто изъ другихъ министровъ приглашенъ не былъ, чтобы избавить Посѣта отъ непріятности выслушивать въ большомъ собраніи критику его дѣятельности. А. А. Абаза пригласилъ и меня пріѣхать къ нему на это совѣщаніе, но не для того, чтобы участвовать въ немъ, а для составленія, по окончаніи засѣданія, протокола, по указанію Абазы. Въ составленіи протокола однако не оказалось надобности. Такъ какъ я не участвовалъ въ самомъ засѣданіи, то и не могу сказать, привело ли оно къ какому-либо заключенію, а также не находилось ли оно въ связи съ послѣдующимъ засѣданіемъ, которое происходило въ Царскомъ Селѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя, ко-

торое имѣло столь неожиданное для графа Баранова послѣдствіе.

Тутъ единственный разъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ гр. Лорисъ-Меликовымъ и говорить съ нимъ. Когда члены засѣданія вышли изъ залы, въ которой происходило совѣщаніе, и пришли въ кабинетъ А. А., въ которомъ я ожидалъ результатовъ совѣщанія, кто-то изъ присутствующихъ, кажется, графъ Барановъ или А. А. Абаза представилъ меня гр. Лор.-Меликову. По этому случаю гр. Лорисъ-Меликовъ высказалъ мнѣ разныя любезности, что онъ уже очень много обо мнѣ слышалъ отъ своего товарища Каханова, что онъ даже думаетъ пригласить меня къ участию въ трудахъ Кахановской комиссіи и т. д., и, разумѣется, произвелъ на меня своею привѣтливостію очень пріятное впечатлѣніе.

